

А. А. КИЗЕВЕТТЕР

О «русской душе»

Недавно проездом через Прагу Н. А. Бердяев выступил в философско-религиозном обществе с докладом о «русском религиозном типе»¹. Присущая всегда Н. А. Бердяеву искренняя убежденность подкупала в пользу докладчика, но тем не менее многие положения доклада не могли быть оставлены без возражений. Н. А. Бердяев отважился взять на себя в высшей степени ответственную задачу: очертить духовный облик русского народа на основании присущих русскому народу религиозно-нравственных идеалов. Да простит мне многоуважаемый философ, но я не могу не сказать, что он, очевидно, не учел всей глубины ответственности, сопряженной с выполнением такой задачи в настоящий момент, когда каждое слово, исходящее из уст русского человека о свойствах русского народного характера, с таким напряженным вниманием ловится западноевропейской аудиторией. А Н. А. Бердяев вдобавок еще заявил, что его доклад будет переведен на иностранные языки для ознакомления Европы с содержанием и характером духовных устремлений русского народа. Внимательному слушателю доклада Н. А. Бердяева бросалась в глаза односторонность его характеристики, дававшей в силу этой односторонности совершенно неправильное представление о русском народе. Правда, в ответ на сделанные ему возражения Н. А. Бердяев подчеркнул, что он вовсе не смотрит на свой доклад, как на общую характеристику души русского народа, ограничивая свою задачу лишь изображением религиозного идеала, этому народу присущего. Однако несостоятельность такого отвода вполне очевидна. Духовный облик и отдельной личности и целого народа всегда представляет собою нечто целостное и неделимое, нельзя произвольно отвлекать от этого целого какой-либо один элемент и судить о нем, снимая со счетов все то, с чем он был органично

сцеплен. Экономисты уже оставили свою гипотезу об «экономическом человеке», которого якобы можно представить себе в составе человеческой личности обособленно от всех ее прочих элементов. И не следует философам заводить теперь такого же гипотетического «религиозного человека». Да и сам Н. А. Бердяев не выдерживает и не может выдержать последовательно такого искусственного расчленения, и многие положения его доклада посвящены несомненно изображению общих свойств «русской души».

Многие замечания Н. А. Бердяева об отличительных особенностях русской православной религиозности и церковности сравнительно с религиозностью и церковностью, порожденными в лоне католицизма и протестантизма, были метки и интересны. Но когда, основываясь на этих замечаниях, Н. А. Бердяев хочет изобразить русский народ народом-незадачником в области строительства земной общности; народом, дух которого всецело устремлен к «концу вещей», к «абсолютным духовным ценностям потустороннего бытия» и совершенно неспособен к созиданию относительных ценностей земной культуры; народом, не умеющим жить, а умеющим лишь грезить о том, как ему лучше помереть; не могущим создать ничего общественно ценного, а умеющим лишь все разрушать в порыве буйственного экстаза, — тогда Н. А. Бердяеву нельзя не поставить на вид того, что с такой характеристикой можно согласиться лишь в том случае, если мы зачеркнем всю историю русского народа и закроем глаза на всю громадную созидательную культурную работу, этим народом в течение его истории совершенную. Русский народ — утверждал Н. А. Бердяев — привязан к земле только пороками и недостатками, добродетелями же всецело тянется к небу. Думается, что небесная добродетель, опирающаяся на земные пороки, не может рассчитывать на одобрение и на небесах, и потому Н. А. Бердяев своей формулой не открывает русскому человеку особенно заманчивых перспектив не только в этой жизни, но и в будущей.

Но дело не в этом. Дело в том, что, характеризуя духовный образ народа, нельзя оперировать одними диалектическими выкладками из непроверенных предпосылок, не считаясь с историческими фактами. И особенно непозволительно отворачиваться от исторических фактов именно теперь, когда картина нашей, основываясь на этих замечаниях, [жизни подвигает] маловдумчивого слушателя к быстрым обобщающим суждениям о никчемности русского народа в деле устройства своей жизни. О чем же гласят исторические факты?

Они гласят о том, что русский народ в течение своей истории развернул поистине блестящие способности к культурному творчеству. История показывает нам, что русский человек всегда был прежде всего гениальным колонизатором. А что такое колонизатор, как не создатель культурных ценностей на девственной некультурной «нови»? История колонизации нашего Севера представляет изумительнейшую картину превращения полудикого финского поморья в культурный великорусский Север, о яркой и тонкой культурности могли бы свидетельствовать и рукописи Соловецкого монастыря, и художественные древности, рассеянные по городам этого края, и мощная общественно-союзная организация северных посадов и волостей, так внушительно заявившая о себе в эпоху Смутного времени. История колонизации Сибири и черноземного «дикого поля» могла бы добавить к этой картине ряд новых ярких доказательств творческой способности русского народа в области «относительных ценностей земного благоустройства». И пусть Н. А. Бердяев не ссылается на то, что он ограничивает свое рассмотрение религиозно-церковной сферой русской жизни. Не монастыри ли и не церковь ли вообще возглавляли собою эти созидательные процессы? Как же можно снять со счетов эту приверженность русской православной церкви к культурному строительству при изображении русского религиозно-церковного идеала и рисовать этот идеал в виде безраздельного устремления к «концу вещей»?

История учит далее, что русский народ всегда обнаруживал чрезвычайную способность к самоуправлению. Довольно распространенное мнение о том, что наш народ не развил в себе самодеятельности, порождено нашей привычкой судить по внешнему фасаду или, вернее, по верхнему этажу русского государственного здания, занятому приказными бюрократическими учреждениями, и не обращать внимания на те многочисленные земские «миры», которые помещались в нижних этажах и развивали там очень сложные формы общественной самодеятельности. И в этом сказалась способность колонизаторов, заводивших на «нови» самозарождающиеся формы вновь создаваемой общественности. Эту способность свою русский народ пронес через всю свою историю, несмотря на крайне неблагоприятное к тому <же> сплетение суровых исторических условий.

Все это обязан принять во внимание и учесть всякий, берущий на себя задачу изображения свойств русской души, ибо в деяниях народа сказывается его душа не менее ярко, чем в его верованиях и поэтических созданиях.

Я знаю, что Н. А. Бердяев намеревается своей характеристикой не развенчивать, а возвеличивать русский народ, ибо в глазах самого Н. А. Бердяева умение углубляться в «конец вещей» ценнее умения строить свою жизнь. Но те, кто желает русскому народу жить жизнью полной, мощной, соответственной его действительным духовным дарованиям, не могут признать аттестата, выдаваемого русскому народу Н. А. Бердяевым, ни лестным, ни отвечающим действительному облику русского человека. Катастрофа, переживаемая сейчас Россией, не может зачеркнуть в наших глазах всего исторического пути, уже пройденного русским народом. Эта катастрофа есть продукт временного сплетения роковых обстоятельств, а вовсе не неизбежный вывод из предпосылок психологической природы нашего народа.

Ошибка Н. А. Бердяева состоит в том, что он изображает душу русского народа в ракурсе определенного идейного течения, к которому сам примыкает, а не во всей совокупности ее действительных духовных богатств. Душа русского народа шире, богаче, разнообразнее, многоцветнее изображения Н. А. Бердяева. И рисовать ее одной краской, суживать подлинную сложность ее содержания значит делать такое дело, которое может привести в настоящее время к результатам глубоко печальным.

